

Г.Ц. Пюрбеев

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФРАЗЕОЛОГИЕЙ ЯЗЫКА
"СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ"

Вопросы лексико-фразеологического анализа текстов этого древнейшего памятника письменного монгольского языка еще не привлекли внимания лингвистов. Поэтому фразеологический материал упомянутого сочинения остается пока не взятым на учет словарями и не обобщенным.

Язык «Сокровенного сказания», в основе которого лежит один из монгольских диалектов XIII в. типа современного монгурского [1, 137], является литературно-унифицированным и выдержанным в духе архаически-книжного стиля. Тем не менее он в значительной мере опирается на многочисленные фольклорные элементы: пословицы, поговорки, макталы, сургалы, отрывки из песен и легенд. Использование их в сочетании с такими средствами метафоризации речи, как идиоматические обороты, во многом способствует созданию стилистической выразительности языка и подчеркивает национальную самобытность этого памятника.

Высокий стиль и выразительность языка той отдаленной эпохи ярко проступает в семантически цельных словосочетаниях, которые мы берем в качестве примеров (все примеры и их переводы на русский язык приводятся по тексту "Сокровенного сказания" в переводе С.А. Козина со ссылкой на соответствующие параграфы):

1) *tenggeri-tür yara-* 'вознестись к небесам, отойти в вечность': *Tangγud irgen-i muxudxaju, Gaxai jil, Činggis хаγан*
226

Tenggeri-tür yarba (§ 268) ‘Чингисхан после окончательного разгрома Тангутов возвратился и взошел на небеса в год Свиньи (1227)’;

2) *ere-in aru, aɣta-in ɣarɣam ese üjegüle* – ‘не показывать спины, не трусить’: *Inanča-Bilge-xan eǰige čino, sača pokore ere-in aru, aɣta-in ɣarɣam ese üjegülülege* (§ 194) ‘Твой родитель Инанча-билге-хан равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тылу’;

3) *hünesü-er keisga* – ‘развеять прахом’, ‘развеять пепел по ветру’. *Nama-i hünesü-er keisgan aldaba!* (§ 87) Чуть было не развеяли мой прах по ветру’;

4) *yasu ino bari-* ‘предать прах погребению’: *Ĵamuxa-i tende nögǰigejü, yasu ino bariɣulba* (§ 201) ‘Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах’;

5) *altan jiloa ičun tata-* ‘вернуть золотые поводья’, ‘благополучно и с успехом возвращаться назад’: *...harban niken xarin irgen-i jüg-tür oroulju, altan jiloa ičun tatau, salul-čaxui xurim xurimlaya keeidüjü...* (§ 275) ‘...подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь вернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир...’.

При ближайшем рассмотрении фразеологических оборотов, встречающихся многократно на протяжении всего повествования, становится вполне очевидным, что большинство из них не отличается от соответствующих единиц современных монгольских языков ни особенностями семантико-стилистического функционирования, ни способами контекстуального оформления. Ср. фразеологические образования типа *var gürge-* (§ 200) ‘наложить, поднять руки на кого-л’; *aman kelen alda-* (§ 199) ‘клясться’, ‘давать клятву’; *amaan sidu-ben bilegüde-* (§ 82) ‘точить зубы (и язык)’; *köl ano köser-e, ɣar ano ɣajar-a jirɣa-* (§ 279) ‘блаженствовать’, ‘пребывать в полном благоденствии’; *hon ɣara-* (§ 25) ‘провести зимовку’, ‘благополучно прожить год’; *amin-niyan öre-* (§ 145) ‘пренебрегать опасностью’, ‘жертвовать собственной жизнью’.

Как уже отмечалось, перечисленные фразеологизмы весьма часто повторяются на страницах "Сокровенного сказания", и это, по нашему мнению, не может не свидетельствовать об их былой популярности и активной употребительности в языке монгольских племен XIII в.

Из числа оборотов, относящихся, несомненно, к наиболее древнему пласту монгольской фразеологии и характеризующих в какой-то степени специфику образного словоупотребления того периода, можно назвать следующие: *dere abun ükü-* (§ 154) 'умереть на подушках (из вражеского тела)' (букв. 'подушку взяв умереть'); *hüm egai helige ebüridcü yabu-* (§ 152) 'вынашивать коварные замыслы', 'питать зло', 'быть злопамятным' (букв. 'смердящую печень за пазухой носить'); *ečege-in degel-tü töre-* (§ 181) 'родиться в сорочке', 'быть счастливым' (букв. 'в отцовской дели(шубе) родиться').

Выражения подобного рода в живых монгольских языках не обнаружены и их следует причислить к фразеологическим архаизмам. Однако это не значит, что они вообще вышли из сферы употребления. Их применение в определенных ситуациях речи возможно и теперь, но с условием обязательного пояснения.

Часть фразеологически устойчивых сочетаний хотя и создается как устаревшая, но все же хорошо понятна носителям современных монгольских языков и диалектов. Для иллюстрации этой мысли сошлемся на обороты: *kündü mörtü güün* (§ 201) 'важный человек' (ср. калм, *күнд толһата күн* 'важный, степенный человек'); *aman дүгүрен келе-* (§ 201) 'оскорблять словесно', 'поносить'; *урух-ун урух гүртеге үгеи кее-* (§ 268) 'истребить', 'поголовно уничтожить'; *joliy ögö-* (§ 272) 'давать духам выкуп за больного'.

Текст памятника регистрирует ряд лексикализованных сочетаний — терминов, необычных в своих переносных значениях: *aburin ete* (§ 46) 'насиленно взятая жена', 'первая, старшая жена'; *urtu duru-in güün* (§ 191) 'человек свободного состояния'.

Выделение отдельных фразеологизмов сопряжено с немалыми трудностями, поскольку хронологический барьер в несколько веков не всегда позволяет точно определить их общее значение и лексический состав. Кроме того, нужно учитывать, что некоторые фразеологизмы только формировались, и спаянность их компонентов была еще слабой. Поэтому нелегко установить фразеологичность таких оборотов, как *ciün-tür üli*- 'предать мечу', 'казнить' (букв. 'примеривать к тележной оси'); *buuljar ide*- 'устраивать сговорный пир-помолвку' (букв. 'кушать шейный позвонок барана'. По словам Ц. Дамдинсуре́на, этот древний обычай, символизирующий прочность брачно-семейных уз, сохранился и донныне в некоторых районах МНР [2, 120]). Обратимся к тексту. *Edüge buuljar idere irektün kemen üdür boljaju iregüljü, tende bariya...* (§ 168). 'Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить'. *Ino metüs-i ciün-tür uliba. Yaᠮu saᠷaramui? Nidün-o eᠸine getkün! Tedüi-gü mökörüülba* (§ 156) 'Ведь подобных ему мы уже примеривали к тележной оси. Чего тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой! И ему не замедлили снести голову'.

Разнообразный фразеологический материал, выявленный в текстах "Сокровенного сказания" составляет существенный элемент стиля этого уникального литературного памятника и во многих отношениях оживляет и обогащает его язык.

Преобладание в текстах фразеологических единиц типа идиом также свидетельствует о сильном влиянии разговорной речи древних монголов на язык данного произведения.

Литература

1. Козин С. А., Сокровенное сказание, Юань чао би ши, т. I, Введение в изучение памятника, перевод, тексты и глоссарии, М.-Л., 1941.
2. Дамдинсүрэн Ц., Монголын нууц товчоо, гл. V, Улаанбаатар, 1957.